DOI: 10.17976/jpps/2015.04.05

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛЕГИТИМИРУЮЩЕГО НАРРАТИВА

Д.В. Березняков, С.В. Козлов

БЕРЕЗНЯКОВ Дмитрий Владимирович, кандидат политических наук, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Для связи с автором: bereznyakov@ngs.ru;
КОЗЛОВ Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Для связи с автором: feld@ngs.ru

Статья поступила в редакцию: 27.03.2015. Принята к печати: 20.04.2015

Аннотация. В статье проанализированы некоторые особенности и результаты символической политики постсоветской Украины, реализуемой в условиях коллапса государства и эрозии символических ресурсов конструирования национальной идентичности. Авторы полагают, что одним из факторов, обусловивших провал украинской версии государственного строительства, является тот формат символической политики, который украинские интеллектуальные и политические элиты выбрали в качестве актуального сценария конструирования украинской национальной идентичности. При этом символическая политика рассматривается как коммуникативный механизм легитимации политического господства и конструирования коллективной идентичности безотносительно к типу политического режима. Это объясняется тем фактом, что все политические режимы ориентированы на выработку эффективной политической коммуникации, которая стабилизирует отношения доминирования в долгосрочной перспективе через выработку легитимного восприятия социального мира и многообразные ритуалы, функциональный смысл которых состоит в том, чтобы в массовом масштабе вовлекать население в воспроизводство символического порядка. В этот процесс оказываются вовлеченными не только политические и интеллектуальные элиты, но и разнообразные агенты социализации и медиа-профессионалы, а социальные аудитории выступают как активные адресаты политической коммуникации, способные к альтернативному декодированию контента вырабатываемой элитами доминирующей идеологии. Важнейшей особенностью легитимирующего нарратива, положенного в основу формирования украинского национального государства, подчеркивают авторы, является его синкретический характер, сочетающий в себе идеологические коды неолиберализма и национализирующегося государственного строительства, за которыми стоят различные типы идентичности. Неолиберальный идеологический код основан на противопоставлении рынка государству и модельной идентичности *homo economicus*. В свою очередь идеологические нарративы, призванные изобретать нацию, ориентируются не на рационального актора и минимизацию роли государства как неэффективного менеджера, а на макрополитическую идентичность, конструируемую сильным национальным государством.

Ключевые слова: Украина; Россия; неолиберализм; национализм; символическая политика; идеология; легитимация.

Траектории политической трансформации государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза, разнообразны и специфичны для каждого из них. Но для всех них центральным остается вопрос об источниках и эффективных каналах собственной легитимации, поскольку такой вопрос непосредственно связан с долгосрочными перспективами этих во многом пока еще претендующих (с разным успехом) на монополию легитимного насилия институтов. Провал украинской версии государственного строительства, который мы со всей очевидностью наблюдаем с зимы 2013-2014 гг., повлек за собой не только институциональную дезорганизацию и эскалацию гражданского противостояния. Есть основания полагать, что одним из факторов, обусловивших процессы системного распада, является тот формат символической политики, который украинские интеллектуальные и политические элиты выбрали в качестве актуального сценария конструирования украинской национальной идентичности.

Понимая символическую политику как коммуникативный механизм взаимодействия трех групп акторов: 1) политических и интеллектуальных элит; 2) агентов индустрии культуры, медиа и системы образования; 3) социальных аудиторий (населения), – в настоящей статье мы сосредоточимся на характеристике некоторых аспектов формирования постсоветской украинской идентичности и тех идеологических кодов, которые использовались в этом процессе.

I

Если рассматривать феномен символической политики как зонтичную категорию, которая предполагает выявление способов производства и обращения политических смыслов в обществе [см. Малинова 2012: 6], то одним из возможных вариантов использования данного политологического понятия может быть подход, фокусирующийся на коммуникативном измерении политики.

Такое в*и*дение предполагает рассмотрение политики как коммуникации различных акторов, которые *производят* и *потребляют тексты*, благодаря чему, следуя идеям Мюррея Эдельмана [см. Edelman 1964: 2], мы можем говорить о том, что политика представляет собой "символическую форму". Сами акторы, которые вовлечены в процесс текстопорождения, обладают различными ресурсами и статусными позициями в обществе. Поэтому данный тип коммуникации изначально предполагает конфликт, неравенство и асимметрию.

Механизм символической политики схематически можно представить как взаимодействие трех базовых групп акторов. Первая – *это политические и интеллектуальные элиты*. Именно они задают общие рамки интерпретаций социальной реальности через властный контроль и производство ключевых мифов и символов, которые с их точки зрения способны на данном этапе развития общества выработать связную и целостную картину реальности и вписать "настоящее" в "прошлое", задав при этом ориентир "будущего". Если использовать терминологию классика британской школы культурных исследований Стюарта Холла, представленную в его модели политической коммуникации, то можно говорить, что именно эти группы вырабатывают код доминантной идеологии, осуществляя семиотическую процедуру "закрытия" ("*closure*"), когда из всего потенциального спектра значений отбираются преференциальные, которым и придается идеологическая моноакцентность [см. Hall 2001: 173].

Поскольку сам феномен легитимности носит частичный, а не тотальный характер и предполагает *способы обоснования и оспаривания status quo*, то попытки

добиться общих ценностей и убеждений должны предполагать возможность понимания идеологических конструкций не производителями и "хозяевами дискурса", а широкими социальными аудиториями как активными участниками политической коммуникации. Тяготеющие к философской абстрактности и теоретичности идеологические тексты создаются "высоколобыми интеллектуалами", и, как правило, циркулируют в первую очередь в кругах самих интеллектуалов. Однако они малопригодны на уровне повседневной политической коммуникации, которая осуществляется в первую очередь через систему культурной индустрии, образования и в мире современных масс-медиа.

На советском и российском материале этот аспект символической политики как коммуникативной системы был очень четко подмечен в недавних исследованиях австралийского политолога Грема Гилла. Главной методологической особенностью его подхода является разграничение идеологии и метанарратива. Последний в этой теоретической оптике выступает как своего рода "адаптер" коммунистической идеологии, позволяющий вырабатывать эффективную коммуникацию власти и населения. Как пишет Г. Гилл, "по причине комплексности и философской природы она [идеология] не была хорошо приспособлена к решению задач повседневной коммуникации между управляющими и управляемыми. Эту роль играли советские метанарративы, совокупность дискурсов, которые упрощали идеологию и выступали инструментом посредничества между режимом и людьми. Метанарратив трансформировал принципы идеологии в практики повседневной реальности граждан. Обеспечивая проекцию упрощенных форм идеологии и связывая их с повседневной жизнью общества, метанарратив производил символическое конструирование общества и объяснял, куда и почему оно движется. Таким образом, он обеспечивал базовое объяснение общества и его будущего. Именно он определял, что общество и его политическая система представляли собой с точки зрения совместимости с идеологией" [Gill 2013: 3].

Рассуждения Гилла о советской версии символистической политики актуализируют вопрос о сопоставлении тех коммуникативных стратегий, которые используют различные политические режимы для того, чтобы транслировать определенные смыслы и ценности с целью выработки и поддержания коллективной идентичности. Потребность в адаптации и переводе идеологических конструкций на уровень массового потребления характерна не только для тоталитарных диктатур, но и для других типов политических режимов. Несмотря на содержательную специфику роли идеологии в различных политических режимах, можно говорить об общей для них потребности в эффективной политической коммуникации, которая стабилизирует отношения доминирования в долгосрочной перспективе через выработку легитимного восприятия социального мира и многообразные ритуалы, функциональный смысл которых состоит в том, чтобы в массовом масштабе вовлекать население в воспроизводство символического порядка.

В связи с этим производство идеологических смыслов предполагает активное участие в этом процессе второй группы акторов – *профессионалов в сфере индустрии культуры, масс-медиа и системы образования*[1], которые самым непосредственным образом вовлечены в рутинные практики социализации поколений и конструирования представлений о социально-политической реальности

[1] Перечень этих институтов можно соотнести с классическими "идеологическими аппаратами государства" Л. Альтюссера [см. Альтюссер 2011].

"большого общества". Эти акторы, являющиеся своего рода посредниками между элитными группами и населением, обладают на своем уровне значительной *автономией*, позволяющей им реинтерпретировать идеологические конструкции интеллектуалов и выступать своеобразными со-творцами символической политики. Причем автономия этих акторов становится видна исследователю, который анализирует не столько тексты, сколько сами практики их производства.

Наконец, третья группа акторов – это социальные аудитории, выступающие потребителями, или точнее *активными адресатами* соответствующих идеологических текстов. При этом необходимо подчеркнуть, что адресаты символической политики не являются когнитивно недифференцированной и извне манипулируемой массой, которая пассивно реагирует на спускаемые "сверху" нарративы. В силу того, что знание социально распределено [см. Шюц 2004], индивиды формируют свои представления о социальном мире, исходя из актуального для них набора информационных ресурсов и опыта повседневной жизни, который нередко выступает эффективным лекарством от любой идеологической индоктринации. Кроме того, отталкиваясь от современных наработок в области политической коммуникативистики, можно говорить о том, что активность "низов" является нормой политической коммуникации, приобретая различные формы в зависимости от характера институциональной среды, в границах которой эта коммуникация разворачивается.

Тем не менее, если сосредоточить первостепенное внимание на производстве идеологических смыслов, а не на их декодировании социальными аудиториями (что представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу), то при анализе различных вариантов символической политики на постсоветском пространстве имеет смысл учитывать два принципиальных момента, которые не в последнюю очередь определяют эффективность конструирования различных моделей постсоветской идентичности.

С одной стороны, это *пакт политических элит и обслуживающих их интеллектуальных групп*, когда первые дают последним возможность взять под контроль производство политических смыслов. Этот пакт обеспечивает неконфликтное взаимодействие между "заказчиками" и "творцами" дискурса, которые на некоторое время получают карт-бланш.

Второй момент, обуславливающий успешность реализации символической политики, – это *обеспечение проникновения созданных интерпретаций на уровень массовой культуры, медиаконтента, их включение в многообразные контексты социализации*. Очевидно, что этот процесс самым непосредственным образом зависит от бюрократической рутины и повседневного функционирования репродуктивных институтов общества. Поэтому существует связь между выработкой идеологических текстов и перенастройкой классификационной оптики государства. Символическая власть бюрократической классификации задает правила, которые дают возможность трансформировать учебные программы, наделять символическим авторитетом те или иные нормативные версии истории и концептуальные схемы понимания социального развития общества.

II

Процесс формирования независимого украинского государства стартовал в условиях стремительной дезорганизации советской системы легитимных классификаций, породившей смысловой вакуум, который должен был быть заполнен

новым набором актуальных идеологем, которые бы задавали рамки понимания логики суверенизации Украины. Безусловно, символическая политика не сводится к конструированию национальной идентичности, но в ситуации коллапса государственности именно эта задача вышла на первый план. Выбор образа коллективного "Мы" и версии исторического прошлого был продиктован спецификой интересов именно тех групп, которые определяли векторы суверенизации постсоветской Украины в институциональном и символическом плане.

Как известно, любые радикальные социально-политические изменения всегда меняют устойчивые иерархические отношения неравенства, которые существуют в сфере символического производства. В первую очередь это выражается в том, что у маргиналов и аутсайдеров появляется шанс изменить свой статус и занять доминирующие позиции, вытеснив на "периферию" тех, кто при прежнем режиме контролировал условный символический "центр". Иными словами, у диссидентов появляется возможность идеологического и статусного реванша, а у еретически-маргинального дискурса, носителями которого они являются, при определенных условиях есть перспектива превращения в новую ортодоксию.

Те политические элиты, которые в начале 1990-х годов во многом неожиданно для самих себя оказались во главе независимой Украины, не имели собственного варианта "воображаемого прошлого и будущего". Поэтому они были вынуждены заключить пакт с новыми эмансипировавшимися интеллектуальными группами и воспользоваться уже готовыми и не ими разработанными схемами, которые к моменту обретения независимости активно продуцировали так наз. *национал-демократы*.

Эта группа представляла собой довольно рыхлую коалицию активистов нарождающегося националистического движения и нестатусных интеллектуалов, занимавших периферийные позиции при советском режиме. Национал-демократы внесли основной вклад в формирование новых национальных нарративов и новой концепции национальной истории [см. Гриневич 2005; Касьянов 2007; Касьянов 2008; Кулык 2010].

Отметим, что логика действий политических элит и интеллектуальных групп несколько различалась. Представители позднесоветской номенклатуры (так наз. *национал-коммунисты*) были заинтересованы, прежде всего, в легитимации своего положения во главе обретшего независимость украинского государства. Интеллектуалы – журналисты, публицисты, общественные деятели – конкурировали за статусные позиции в символическом поле и боролись за признание наиболее активной частью аудитории, в качестве которой выступал прежде всего "недокормленный" советский средний класс – интеллигенция и специалисты, находившиеся на положении пролетариата [см. Дерлугьян 2010: 199-206]. В конечном счете, старые советские идеологические кадры были вынуждены играть по тем правилам, которые задавались новым поколением украинских идеологов.

Кроме того, если рассмотреть нынешнюю конструкцию постсоветской украинской государственности во временно*й* перспективе, можно заметить один принципиальный момент. При всей несхожести советских и современных украинских символов и риторики их объединяет то, что оправдание существующего *status quo* основывается на некоем *проекте лучшего будущего*, к которому нужно стремиться. Фактически, мы можем говорить об определенной версии утопии "светлого будущего", нарратив которой и выступает семиотической основой выработки идеологических констант как советской, так и постсоветской эпох.

Именно будущее в данном случае является инстанцией, откуда легитимация черпает свои ресурсы. Соответственно крушение одного – коммунистического – проекта происходило на фоне стремительной эмансипации двух других – *неолиберального и тесно с ним связанного националистического*. Население, живущее в актуальном настоящем, превращалось в своего рода "жителей на стройплощадке" по возведению здания проектируемого элитами "лучшего будущего". В этом смысле ключевой проблемой символической политики постсоветской Украины становилась *легитимация настоящего как переходного состояния*, когда современная либеральная экономика и свободное демократическое национальное государство идеологически маркировали именно будущее и рассматривались не как данность, а как проект [см. Рябчук 2004; Кириченко 2008].

В основе идеологического кода неолиберализма лежит оппозиция "государство – рынок", реконструируя который Пьер Бурдье и Лоик Вакан свели другие базовые означающие в наглядную схему (см. табл. 1) [см. Бурдье, Вакан 2007: 93].

Таблица 1

Сводная таблица элементарных форм неолиберального мышления
Consolidated Table of the Elementary Forms of the Neoliberal Thinking

Государство	Рынок
Ограничения	Свобода
Закрытость	Открытость
Жесткость	Гибкость
Отсутствие мобильности, косность	Динамичность, подвижность, способность меняться
Прошлое, устаревшее	Будущее, новое
Застой	Развитие
Верность группе, лоббизм, холизм, коллективизм	Личность, индивидуализм
Единообразие, искусственность	Многообразие, подлинность
Авторитарность ("тоталитарность")	Демократичность

В украинском случае произошло совмещение идеологических означающих неолиберализма и национализма. Последний, в свою очередь, соотносил базовые означающие с оппозицией "Запад (Европа) – Россия" (см. табл. 2). Такой идеологический синкретизм неолиберализма и национализма хорошо просматривался в публичных выступлениях и интервью В. Ющенко. Реконструируя политическую риторику третьего украинского президента, В. Кириченко отмечает, что неолиберальный тип дискурса отчетливо проявляет себя при описании и репрезентации экономической и социальной политик. Для него в первую очередь характерна специфическая номинализация глобальных экономических и политических трендов как обезличенных объективных процессов, в которые встраивается суверенная Украина. Такие процессы представляются фатально неотвратимыми; таким образом, национальные государства вынуждены подчиняться их требованиям [см. Кириченко 2008: 254]. Нетрудно заметить в данном случае, что легитимация переходного (транзитного) состояния происходит через отсылку к неизбежному наступлению лучшего (коммунистического / либерально-рыночного) будущего.

Таблица 2

Оппозиция "Запад – Россия"
и идеологические означающие идеологии украинского национализма[2]
The Opposition to «West – Russia» and Ideological Signifiers the Ideology of Ukrainian Nationalism

Запад	Россия
Национальное государство	Империя
Демократия	Тоталитаризм (авторитаризм)
Будущее	Прошлое
Европа	Азия
Гражданственность	Подданичество
Цивилизация	Варварство
Свобода	Рабство
Прогресс	Застой, деградация
Процветание	Упадок
Партнерство, равенство	Принуждение, давление
Безопасность	Угроза, агрессия
Рациональность	Иррациональность
Сложность	Примитивизм
Правда, добро, справедливость	Ложь, зло, несправедливость

"Вхождение в свободную Европу" – это своеобразный мифополитический обряд перехода, в ходе которого его субъект утрачивает прежнюю, негативную (имперско-советскую) идентичность, и приобретает новую, позитивную (национальную), превращаясь, как воображается, в равноправного и давно ожидаемого жильца "общеевропейского дома". Понятия "Европа" и "Запад" (часто используемые как синонимичные) играют узловую роль в идеологическом дискурсе, структурируя взгляд украинцев на самих себя и на окружающий мир. Эти понятия отсылают к идеям прогресса, цивилизации, культуры, процветания. Украинские ученые Е. Грицай и М. Николко указывают, что одной из главных причин выбора украинскими элитами Европы как узнаваемого маркера, символизирующего перечисленные позитивные аспекты общественного развития, было "отсутствие ясной программы того, что же теперь будет строиться в Украине... 'Европа' в украинской интерпретации оказалась довольно расплывчатым понятием, в которое можно было 'втиснуть' весь спектр мечтаний украинцев о благополучии общества в целом и своем личном. Это понятие стало именем-мифом с широчайшим семиотическим диапазоном, вмещающим различные смыслы и толкования" [Грицай, Николко 2009: 175].

В таком контексте "*экспорт вины*" становится одним из важнейших символических инструментов как внутренней, так и внешней политики. Своей высшей точки он достигает в период президентства В. Ющенко. Это дало ему возможность дистанцироваться от советского прошлого и избавиться от ответственности за очевидные провалы во внутренней политике.

Образ России, "повинной" в украинских бедах, концентрирует в себе целый набор негативных означающих, отсылающих к мифологии жертвы имперско-

[2] Таблица составлена на основе анализа материалов центральных и региональных украинских медиа, проделанного одним из авторов настоящей статьи [см. подробнее Козлов 2012; Козлов 2014].

го угнетения. “Огромное количество книг и публикаций, закрепляющих этот образ, – отмечают российские исследователи С. Константинов и А. Ушаков, – объединяет настойчивое стремление части политической и интеллектуальной элиты создать новый образ Украины – не только части Европы, но и великой европейской державы, становлению которой мешала и продолжает мешать Россия” [Константинов, Ушаков 2003: 82-83]. России как правопреемнице СССР и Российской империи в этих конструкциях досталась *роль “негативного Другого”*. Складывающийся набор мифологем отчетливо позиционирует украинский народ как жертву имперского проекта, с которым теперь, наконец, можно порвать.

Закрепившийся негативный образ России не претерпел существенных изменений с рубежа 1980-х – 1990-х годов [см. Миллер 1995; Козлов 2014]. Константинов и Ушаков отмечают, что с течением времени “образ России как ‘империи зла’, главного врага украинской государственности и душителя украинской культуры”, со страниц оппозиционной националистической прессы переместился в школьные учебники, научные журналы и официальные СМИ. Отметим, что именно школа является принципиально важным институтом, который обеспечивает связь различных уровней символической политики – производителей дискурса и аудиторий. Школьный учебник задавал, по сути, безальтернативное видение национальной истории вновь вступающим в жизнь поколениям. Украинский историк Андрей Портнов, изучавший место России в украинских школьных учебниках, делает следующие выводы: “Россия и образ России сыграли одну из наиболее существенных ролей (наряду с образом Польши) в формировании украинской культурной и политической идентичности. И роль образов этих двух стран – это, прежде всего, роль образцов, от которых следовало отталкиваться, каковым надо было противопоставить себя... Все это влияет на исторический образ России, которая на страницах украинских учебников в роли союзника появляется фактически один раз (в 1654 году)... а в основном выступает как сильный враг... Русские на страницах учебников – это практически всегда войско, которое ведет себя на Украине нагло и жестоко (от Андрея Боголюбского до большевистского командира Муравьева), имея в виду лишь одно – захват и уничтожение местных демократических традиций (каковые выступают фактически синонимом украинских)” [Портнов 2010: 155-156].

Формирование идеологии национализирующего украинского государства можно рассматривать как *попытку создания светской политической религии*, необходимыми компонентами которой являются исторический пантеон, места памяти, знаковые исторические мифы и символы. Среди новых мифов, заменивших в символическом пространстве советские функциональные эквиваленты, центральное место заняли “казацкий, миф о происхождении, о непрерывности национальной истории, своего рода ‘украинском миллениуме’, миф о золотом веке, миф о принадлежности к ‘европейской цивилизации’, об исторической миссии украинцев как барьера, отгородившего Европу от кочевников” [Касьянов 2007: 90]. Особое место в системе идеологических означающих независимой Украины, безусловно, занял Голодомор, который был превращен “в общенациональный исторический символ, особый символический маркер нации” [Касьянов 2009: 34]. Эти мифы тиражировались на популярном уровне и оказались достоянием массовых представлений.

Кроме школы основными инструментами символической политики, используемыми украинскими элитами для переопределения истории, были

учреждение новых праздников и знаменательных дат, строительство новых мемориалов, открытие музеев и создание иных мест памяти. При этом школьное образование задавало рамки интерпретации только "поколению независимости". За пределами этого дисциплинарного образовательного пространства важнейшими институциализированными структурами, которые осуществляли трансляцию идеологических смыслов, были украинские медиа. Поэтому корпус медиапрофессионалов является одной из важнейших групп, которые, наряду с политическими и интеллектуальными элитами, включались в производство и воспроизводство соответствующих текстов.

Общественное мнение конструируется группами меньшинств, а это всегда медиакомпетентные, проживающие в крупных городах и имеющие, как правило, беловоротничковый тип занятости группы. Происходит замыкание "хозяев дискурса" на наиболее активных и продвинутых его потребителей. А потребители транслируют этот контент на уровень здравого смысла. Стоит отметить, что высокая степень идеологизированности активного меньшинства имела место на фоне массовой постсоветской деидеологизации, когда бо́льшая часть населения просто выживала в условиях затянувшегося экономического кризиса. Поэтому запрос на идентичность – это запрос, который в первую очередь формировался в кругах самих интеллектуалов и их коммуникативной среды – того самого "недокормленного" среднего класса. Уже в первые годы независимости возникает своего рода неартикулированный консенсус участников медиапроизводства и медиапотребителей, который легитимировал общий вектор движения от "советского прошлого" к "европейскому будущему", в котором связка национальной независимости и европейской ориентации была основной.

* * *

В целом идеологический нарратив, который легитимирует формирование постсоветской украинской государственности, носит *синкретический* характер и содержит в себе внутреннее противоречие. Это объясняется тем, что идеология неолиберализма и идеология национализма по сути имеют дело с разными типами идентичности и, соответственно, предполагают разный хронополитический контекст.

Модельная идентичность неолиберализма – это *homo economicus*, для которого в первую очередь актуальны такие символические маркеры как рационализм и индивидуализм. Эмансипация этой идеологии происходит в условиях глобализации, для которой как раз характерны процессы размывания национальной идентичности, сворачивания проекта социального государства, стремительной деиндустриализации западных стран, формирования потребительских культурных стереотипов. Индивидуализированное общество, если использовать в данном случае известную метафору Зигмунда Баумана [см. Бауман 2005], ставит различные формы коллективной идентичности под вопрос.

В свою очередь идеологические нарративы, призванные изобретать нацию, не апеллируют к рациональному актору, который стремится максимизировать собственную выгоду в рыночном пространстве и видит в государстве частный случай фирмы по оказанию публичных услуг, которую в случае чего можно и поменять на более эффективную. Иными словами, эти нарративы конструируют не *индивидов*, а знаменитые "воображаемые *сообщества*" [см. Андерсон 2001], макрополитические идентичности, классический опыт формирования которых приходится на эпоху зрелого Модерна.

Кроме того, следует учитывать не только характер идеологического контента. Принципиальную роль в этом процессе играют сами *адресаты* политической индоктринации – граждане, которые реинтерпретируют сконструированные элитами символические модели реальности. Одной из исследовательских иллюзий в данном случае может быть убеждение в совпадении процессов кодирования и декодирования, предполагающее, что у "производителей" и "потребителей" имеется общий семиотический код, благодаря которому это возможно. Именно украинский случай, с нашей точки зрения, со всей очевидностью демонстрирует как раз обратное, а именно – появление активных, в том числе контргегемонистских версий реинтерпретации транслируемого элитами контента. Поэтому совмещение анализа структуры доминирующей идеологии и вариантов его декодирования населением становится актуальным и перспективным направлением научного анализа символической политики на постсоветском пространстве.

Альтюссер Л. 2011. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). – *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. № 3 (77). С. 31-34.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: "КАНОН-пресс-Ц", "Кучково поле". 288 с.

Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 390 с.

Бурдье П., Вакан Л. 2007. Неолиберальный новояз. Заметки о новом планетарном жаргоне. – *Прогнозис*. № 3 (11). С. 88-94.

Гриневич В. 2005. Расколотая память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества. – *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. № 2-3. С. 218-227.

Грицай Е., Николко М. 2009. *Украина: национальная идентичность в зеркале Другого*. Вильнюс: ЕГУ. 220 с.

Дерлугьян Г. 2010. *Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. М.: Издательский центр "Территория будущего". 560 с.

Касьянов Г. 2007. Украина-1990: "бои за историю". – *Новое литературное обозрение*. № 83. С. 76-93.

Касьянов Г. 2008. *Украина 1991-2007: очерки новейшей истории*. Киев: Наш час. 480 с.

Касьянов Г. 2009. Голодомор и строительство нации. – *Pro et Contra*. Май-август. С. 24-42.

Кириченко В. 2008. Концептуализация политического пространства (на примере анализа образа запада в дискурсе президентов Украины и Беларуси). – *Перекрестки*. № 2-4. С. 251-270.

Козлов С.В. 2012. Место России в украинском медийном дискурсе. – *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. Т. 11. Вып. 11: Журналистика. С. 48-57.

Козлов С.В. 2014. "Россия – это медведь, объятия которого всегда опасны": конструирование России в украинских региональных медиа. – *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. Т. 13. Вып. 6: Журналистика. С. 33-41.

Константинов С., Ушаков А. 2003. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве. – *Национальные истории в советском и постсоветских государствах (под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова)*. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX. С. 82-88.

Кулык В. 2010. Национализм в Украине. 1986-1996 годы. – *Национализм в позднее и посткоммунистической Европе*: в 3 т. М.: РОССПЭН. Т. 2. Национализм в национальных государствах. С. 101-126.

Малинова О.Ю. 2012. Символическая политика: контуры проблемного поля. – *Символическая политика: Сб. науч. тр. (отв. ред.: Малинова О.Ю.)* Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 5-16.

Миллер А.И. 1995. Образ России и русских в западноукраинской прессе. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 124-132.

Портнов А.В. 2010. *Упражнения с историей по-украински*. М. : ОГИ; Полит.ру; Мемориал. 224 с.

Рябчук М. 2004. Ще раз про "нашу західну орієнтацію". – *Зона відчуження: українська олігархія між Сходом і Заходом*. Київ: Критика. С. 185-188.

Шюц А. 2004. Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания. – *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН. С. 557-572.

Edelman M. 1964. *The Symbolic Uses of Politics.* Urbana: University of Illinois Press. 201 p.

Gill G.J. 2013. *Symbolism and Regime Change in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 246 p.

Hall S. 2001. Encoding / Decoding. – *Media and Cultural Studies: Keyworks (eds.: M.G. Durham and D.M. Kellner).* Malden, Mass.: Blackwell Publishers. P. 166–176.

DOI: 10.17976/jpps/2015.04.05

SYMBOLIC POLITICS IN POST-SOVIET UKRAINE: CONSTRUCTION OF THE LEGITIMIZING NARRATIVE

D.V. Bereznyakov[1], S.V. Kozlov[2]

[1] *Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Novosibirsk, Russia*

[2] *Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Novosibirsk, Russia*

BEREZNYAKOV Dmitry Vladimirovich, Cand. Sci. (Polit.) Head of Department, Dept. of Public Administration, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Email: bereznyakov@ngs.ru**; KOZLOV Sergey Vasilievich, Cand. Sci. (Hist.), Dean, Politics and International Relations Faculty, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.** Email: feld@ngs.ru

Received: 27.03.2015. Accepted: 20.04.2015

Abstract. The article analyses certain aspects and results of symbolic politics in post-Soviet Ukraine, which is unfolding in the conditions resulting from the collapse of the state and the erosion of symbolic resources for constructing national identity. The authors believe that one of the factors that contributed to the failure of the Ukrainian version of state construction is the particular format of symbolic politics selected by Ukrainian intellectual and political elites as an actual scenario for constructing Ukrainian national identity. Symbolic politics is viewed in this context as a communicative process of legitimizing political dominance and constructing a collective identity regardless of any particular type of a political regime. This is based on the fact that all political regimes seek to achieve effective political communication, which stabilizes relations of domination over the long term by developing legitimate reception of the social world and diverse rituals whose functional meaning is mass-scale involvement of the population in the reproduction of the symbolic order. This process ultimately involves not only political and intellectual elites, but also various agents of socialization and media-professionals, while social audiences become active recipients of political communication, capable of alternative decoding of the dominant ideological content developed by the elites. The authors stress that the main distinctive aspect of the legitimizing narrative at the core of the formation of the Ukrainian national state is its syncretic character which involves ideological codes of neoliberalism and of the nationalizing state-building with different underlying types of identity. The neoliberal ideological code is based on the opposition between the market and the state and on the model identity of homo economicus, while the ideological narratives invoked to invent a nation focus not on the rational actor and on minimizing the role of the state viewed as inefficient manager, but on the macropolitical identity constructed by a string national state.

Keywords: Ukraine; Russia; neoliberalism; nationalism; symbolic politics; ideology; legitimation.

References

Althusser L. *Ideologiya i deologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya)* [Ideology and Ideological Apparatuses of the State (Notes for Research)]. – Reserve Stock: Debates on Politics and Culture, No. 3 (77). 2011. P. 31-34. (In Russ.)

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (Russ ed.: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo Field. 2001. 288 p.)

Bauman Z. The Individualized Society (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo.* Moscow: Logos. 2005. 390 p.)

Bourdieu P., Wacquant L. Neoliberal Newspeak: Notes on the New Planetary Vulgate. – *Prognozis*, No. 3 (11), 2007. P. 88-94. (In Russ.)

Derlugian G. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-Systems Biography (Russ. ed.: Derlugian G. *Adept Bourdieu na Kavkaze. Eskizy k biografii v mirosistemnoi perspective*. Moscow: Publishing Centre "Territory of Future". 2010. 560 p.)

Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press. 1964. 201 p.

Gill G.J. *Symbolism and Regime Change in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 246 p.

Grinevich V. Raskolotaya pamyat': Vtoraya mirovaya voina v istoricheskom soznanii ukrainskogo obshchestva [Divided Memory: the Second World War in the Historical Consciousness of the Ukrainian Society]. – *Reserve Stock: Debates on Politics and Culture*, No. 2-3. 2005. P. 218-227. (In Russ.)

Gritsay E., Nikolko M. *Ukraina: natsional'naya identichnost' v zerkale Drugogo* [Ukraine: National Identity in the Mirror of the Other]. Vilnius: EGU. 2009. 220 p. (In Russ.)

Hall S. Encoding / Decoding. – *Media and Cultural Studies: Keyworks (eds.: M.G. Durham and D.M. Kellner)*. Malden, Mass.: Blackwell Publishers. 2001. P. 166-176.

Kas'yanov G. Golodomor i stroitel'stvo natsii [The Holodomor and Nation Building]. – *Pro et Contra*, May-August. 2009. P. 24-42. (In Russ.)

Kas'yanov G. *Ukraina 1991-2007: ocherki noveishei istorii* [Ukraine 1991-2007: Essays on Modern History]. Kiev: Our Hour. 2008. 480 p. (In Russ.)

Kas'yanov G. *Ukraina-1990: "boi za istoriyu"* [Ukraine-1990: "the Battles for History"]. – New Literary Observer. No. 83. 2007. P. 76-93. (In Russ.)

Kirichenko V. Kontseptualizatsiya politicheskogo prostranstva (na primere analiza obraza zapada v diskurse prezidentov Ukrainy i Belarusi) [The Conceptualization of the Political Space (on the Example of Analysis of the Image of the West in the Discourse of the Presidents of Ukraine and Belarus)]. – *Crossroads*, No. 2-4. 2008. P. 251-270. (In Russ.)

Konstantinov S., Ushakov A. Vospriyatie istorii narodov SSSR v Rossii i istoricheskie obrazy Rossii na postsovetskom prostranstve [Perception of the History of the Peoples of the USSR in Russia and Historical Images of Russia in the Post-Soviet Space]. – *National Histories in Soviet and Post-Soviet States (eds.: K. Eimermacher, G. Bordyugov). 2nd ed.* M.: Friedrich Naumann Foundation; AIRO-XX. 2003. P. 82-88. (In Russ.)

Kozlov S.V. Mesto Rossii v ukrainskom mediinom diskurse [Russia's Place in Ukrainian Media Discourse]. – *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology.* 2012. Vol. 11. No. 11: Journalism. P. 48-57. (In Russ.)

Kozlov S.V. "Rossiya – eto medved', ob"yatiya kotorogo vsegda opasny": konstruirovanie Rossii v ukrainskikh regional'nykh media ["Russia is a Bear Whose Hug is Always Dangerous": Construction of Russia in Ukrainian Regional Media]. – *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology.* 2014. Vol. 13. No. 6: Journalism. P. 33-41. (In Russ.)

Kulyk V. *Natsionalizm v Ukraine. 1986-1996 gody* [Nationalism in Ukraine. 1986-1996]. – Nationalism in Late- and Post-Communist Europe: in 3 vol. Moscow: ROSSPEN. Vol. 2. 2010. P. 101-126. (In Russ.)

Malinova O.Yu. *Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya* [Symbolic Politics: the Contours of the Problem Field]. – Symbolic politics (ed.: O.Yu. Malinova). Vol. 1. 2012. P. 5-16. (In Russ.)

Miller A.I. The Image of Russia and Russians in the Western-Ukrainian Press. – *Polis. Political Studies*. No 3 1995. P. 124-132. (In Russ.)

Portnov A.V. *Uprazhneniya s istoriei po-ukrainski* [Exercises with the History on Ukrainian Way]. Moscow: OGI; Polit.ru; Memorial. 2010. 224 p. (In Russ.)

Ryabchuk M. Shhe raz pro "nashu zahidnu orijentaciju" [Once again about "our Western Orientation"]. – *Zona vidchuzhennja: ukrai'ns'ka oligarhija mizh Shodom i Zahodom* [Exclusion Zone: the Ukrainian Oligarchy between East and West]. Kyiv: Criticue. 2004. P. 185-188. (In Ukrainian)

Schütz A. The Well-informed Citizen: an Essay on the Social Distribution of Knowledge (Russ. ed.: Khorosho informirovannyi grazhdanin. Ocherk o sotsial'nom raspredelenii znaniya. – *Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom*. Moscow: ROSSPEN. 2004. P. 557-572.)